

Дед-монархист, французское наследство и автомобиль Станиславского

<http://oralhistory.ru/talks/orh-1362>

🎙 24 мая 2010

Собеседники

Сарабьянов Дмитрий Владимирович, Мурина Елена Борисовна

Ведущий

Споров Дмитрий Борисович

Дата записи

Беседа записана 24 мая 2010 и опубликована 31 марта 2021.

Введение

Это первая из пяти имеющихся у нас бесед с Дмитрием Сарабьяновым и Еленой Муриной. Первые две беседы были записаны в 2010 году на диктофон, три последующие на подобие камеры. Тогда еще сама мысль о приглашении на беседу оператора казалась кошунством. Первоначально мне хотелось записать самостоятельный рассказ каждого из супругов, но получилось иначе и есть в этом своя правда, очень уж их память была неразрывна. Первые две беседы Дмитрий Владимирович солировал, потом был рядом, но уже только дополнял рассказ жены. Первая беседа начинается с традиционного родословия. Дмитрий Владимирович вспоминает астраханскую ветвь своей родословной, деда-монархиста Нестора Тихановича-Савицкого, богатых армянских купцов Таргуловых, которые почти все эмигрировали после революции во Францию. Рассказывает об отце, известном философе-марксисте Владимире Сарабьянове, и поездке с ним на стройку Театра имени тогда еще живого Всеволода Мейерхольда. Вспоминает университет и войну, а потом и свои любимые встречи с Фальком, Зверевым и Костаки. Последующие беседы с рассказами о них уже опубликованы на сайте. Когда Дмитрий Владимирович попросил прерваться, в беседу включилась Елена Борисовна с рассказом о своем соседе по Тружениковому переулку Викторе Дувакине.

О предках

Дмитрий Борисович Споров (далее Д. Б.): Дмитрий Владимирович, очень бы хотелось услышать от вас рассказ о том, кто были ваши предки, потому что это информация, которая всегда очень интересна и неожиданна. И вот то, что вы сейчас упомянули и о монархисте, и о <нрзб> отце, все очень и очень интересно.

Дмитрий Владимирович Сарабьянов (далее Д. В.): Ну, фамилия у меня чужая.

Д. Б.: А что значит «чужая»?

Д. В.: Что значит «чужая»? Это значит, что у меня кровного родства с Сарабьяновыми, которые были в Астрахани, нет. У меня родители астраханцы. Моя бабушка молодой вышла замуж за старика, армянина, по фамилии Сарабьянов. Он вскоре умер. Она осталась вдовой молодой и, как говорят, нагуляла моего отца, по-моему, от хозяина магазина, значит, где она сама работала. Значит, этот реальный мой дед, отец моего отца, имел совсем другое имя и другую фамилию. Он был Тиханович-Савицкий. Вот сейчас его личность как-то стала интересовать даже историков, и она выявляется. До этого я никогда не знал о нем ничего, потому что с отцом я на эту тему никогда не разговаривал.

Д. Б.: А вы вообще знали об этом, что у вас такой дед?

Д. В.: Знал, да, но я не знал, кто он, и кем он был в действительности, потому что отец мой был абсолютно глухой.



Нестор Николаевич Тиханович-Савицкий. Источник фото: www.hrono.ru

Об отце Владимире Сарабьянове

Д. Б.: А он с детства был глухой или потерял слух?

Д. В.: Нет, он был глуховат с детства. Это было, по-видимому, наследственное, поскольку мой сводный дядька и моя сводная тетка, о которых я знал, которые были законными детьми этого моего деда, они тоже были глуховаты. Но отец мой был глуховат сначала, а потом где-то в 19-м году, заболев испанкой (тогда была эпидемия испанки), он...

Д. Б.: Это грипп, по существу.

Д. В.: Да, это грипп, но какой-то особый.

Д. Б.: Но с осложнением.

Д. В.: Да. У него было осложнение на уши, и он совершенно оглох, и с ним можно было говорить только на ухо, приложив губы к левому уху.

Д. Б.: К одному?

Д. В.: К одному. Правое совсем ничего не слышало. Несмотря на это, он работал, преподавал, принимал экзамены, приходил иногда домой с накрашенным помадой левым ухом (*Споров смеется*) и все время ругал этих девчонок, которые мажут губы, зная, что он глухой и что с ним придется говорить на ухо. Ну вот.

Д. Б.: А что он преподавал?

Д. В.: Он преподавал диамат, истмат.

Д. Б.: А где?

Д. В.: Последние годы он преподавал в Архитектурном, в МАРХИ. Когда-то он преподавал еще во ВХУТЕМАСе.

Д. Б.: Ну, они потом стали...

Д. В.: Да, это были 20-е годы. Но смерть его застала, когда он был в Архитектурном институте. Он был довольно тесно связан

с архитекторами, с мастерской Весниных. У меня есть старая фотография, где он в этой мастерской Весниных читает какие-то лекции. Он довольно много печатал, у него довольно большая библиография, много книжек, самая известная была «Диамат, истмат»¹ 30-го года. Потом, так сказать, как-то его прикрыли как автора статей и книг, он стал читать лекции популярные, был довольно популярный лектор, и народ ломился на его лекцию, которая называлась «О дружбе и любви».

¹ Сарабьянов В. Н. Диалектический и исторический материализм (Очерки). М., 1934.

Д. Б.: Ну, это совсем не диамат.

Д. В.: Это не диамат, да, но он был человеком разносторонних интересов, занимался какими-то эстетическими проблемами немножко, и вот были у него такие выходы к этой любви и дружбе. В общем, профессорствовал до конца жизни, до 52-го года. Он умер за год до смерти Сталина, к сожалению, не дожив, и мы не смогли с ним поделиться какими-то общими впечатлениями после этой смерти о том, что произошло. Ну, последние годы он что-то издавал, какие-то были иногда у него статьи, редко в «Вопросах философии», но больше занимался лекторской работой.

Нестор Тиханович-Савицкий

Если вернуться к моему деду, то недавно стало выясняться, что это за фигура. Оказывается, он был в Астрахани руководителем какой-то...

Д. Б.: Региональной организации.

Д. В.: Да-да, региональной организации.

Д. Б.: Черносотенной.

Д. В.: Ну, это было какое-то отделение то ли «Союза русского народа», то ли «Архангела Михаил», то ли что-то еще в этом роде. Ну и был довольно известным монархистом на юге России, там Астрахань, Ростов. Там были какие-то у них связи, видимо, и вот там он вел довольно широкую, активную работу, борьбу, как-то так призывами общался с Николаем II, звал его к разумным действиям, так сказать, предлагал ему опомниться даже в каком-то обращении. Потом этот текст появился в интернете, я его читал несколько лет тому назад. Ну, был таким монархистом. Думаю, что это в известной мере сыграло роль в том, что мой отец стал социал-демократом, потому что такое поведение от противного часто у детей бывает. Ну вот.

Д. Б.: Но при этом дед владел какой-то лавкой или магазином там?

Д. В.: Да-да-да.

Д. Б.: А что это была за лавка?

Д. В.: Вот я не помню, то ли она была музыкальная. Тоже с музыкой немножко был связан мой отец. Он даже одно время, где-то в конце 10-х годов, выступал как аккомпаниатор, хотя и был глухой. Вот. Ну, значит, теперь дальше.

Семья Таргуловых

Ну, у меня есть и другая линия, она чисто армянская. Это моя мать. Она была Таргулова, по фамилии. Это были богатые астраханские армяне, в основном купцы, их было там много. У нее было еще, по-моему, одиннадцать братьев и сестер, так что это было очень большое семейство. Они почти все укатили за границу.

Д. Б.: А куда?

Д. В.: Во Францию. И там был дом Таргуловых даже.

Д. Б.: Какая для торговцев хорошая фамилия — Таргуловы, да?

Д. В.: Да, но только эта фамилия пишется не через «о», а через «а».

Д. Б.: Таргуловы.

Д. В.: Таргуловы, да. Хотя они имели отношение к торговле, но не от этого происходит их фамилия. Это какой-то чисто армянский корень. Я армянского не знал и не знаю, хотя мать моя говорила по-армянски. Ну вот. В Астрахани самые богатые были Лианозовы, а вторые были Таргуловы.

Д. Б.: А, то есть это самые...

Д. В.: Да-да-да, это была купеческая элита, понимаете, вот такая. Они были все богатые довольно. Там были разные мои дядья, я их почти не знал, помню только одного, Никиту, который задержался в России. Я помню даже, как году в 26-м — 27-м, а мне было тогда года три, может, немножко позже, я тоже был на вокзале, где мы его провожали, когда он уезжал из России. Ну, они все уехали, кроме моей тетки и моей матери.

Д. Б.: А в Москву они не переезжали? Потому что ведь очень многие...

Д. В.: Нет, они в Москву не переезжали. Они там были, разбогатели даже еще больше, были богатыми очень, дом Таргуловых был. И вот одна моя знакомая, когда она из Парижа приехала, у нее отец даже в этом доме Таргуловых работал. И потом этот дом Таргуловых остался без наследников, у них не было никого, детей у них не было.

Д. Б.: Среди этих одиннадцати человек?

Д. В.: Да, несмотря на такое огромное семейство, у них не было детей. И была такая ситуация, когда стали искать наследников во Франции, а потом они запросили СССР. У меня тут оставались тетка и моя мама. И до них дошли эти слухи, они стали это держать от нас в тайне. «От нас» — я имею в виду меня и моего двоюродного брата, такой был архитектор Николай Николаевич Миловидов, отец у него был адвокат, мать у него была Василиса Герасимовна, моя тетка. Отец у него тогда уже умер. Как-то переговаривались с мой теткой по-армянски, от нас держали они в секрете, потому что они узнали, что стали искать наследников. Они испугались сказать, что они в родстве с ними. Когда это было? Это, наверное, было где-нибудь в 60-е годы, я думаю, что тогда. В общем, это наследство Таргуловых проморгали. Ну, я не знаю, в то время, конечно, много бы не получили, это ясно, потому что тогда в таких случаях давали какой-то мизер, остальное забирало государство. Но такая ситуация была.

Д. Б.: У меня тоже мой прадед, который уехал с Белой армией, завещал своим детям и внукам дом в Югославии.

Д. В.: Ух ты!

Д. Б.: Прекрасный дом. Причем у меня есть его фотография, но потом Тито все национализировал.

Д. В.: Да-да-да, все пропало.

Д. Б.: Видимо, дома уже нет.

Д. В.: Да, вот видите, похожая ситуация. Ну, значит, эти две линии соединились: одна армянская, другая, видимо, польско-белорусская, я так думаю. Тиханович-Савицкий — это типично польско-белорусская.

Д. Б.: Ну, вообще, по фамилии похоже.

Д. В.: Да, похоже. Я всегда думал, что это была русская кровь, в конце концов, я не отказываюсь от польско-белорусской, пускай (*усмехается*). Конечно, официально я русский всегда был, но, так сказать, не возражаю.

Д. Б.: Вы упоминали, когда мы с вами еще без микрофона беседовали, о том, что в 18-м или в 19-м году Тиханович-Савицкий был убит.

Д. В.: Да.

Д. Б.: А известно, как, что, где?

Д. В.: Да, что-то известно. Кажется, в Пятигорске или где-то в одном из этих южных городов России.

Д. Б.: А почему? Он переехал, участвовал?..

Д. В.: Нет, видимо, он... Я даже не знаю детали, понимаете, я, так сказать, как-то...

Д. Б.: Но в заварухе Гражданской войны он не успел, наверное, поучаствовать?

Д. В.: По-моему, нет, но я не уверен в этом. Я не могу вам точно это сказать. Это мне надо спросить у моего старшего сына. Какое-то участие он в этих делах принимал. Иногда это как-то до нас доходило, и мы с братом старались это понять. Но мой брат был, наверное, более близок к этой проблематике, потому что он был немножко задира, так сказать, какие-то были у него споры с какими-то комсомольскими вождями, хотя он сам принимал участие в комсомольской работе. Тогда трудно было не принимать в ней участие. Я тоже принимал в ней участие.



Борис Сарабянов, брат Дмитрия Владимировича Сарабянова. Источник фото: 1418museum.ru

О комсомольской работе

Д. Б.: Ну, поскольку вы спортсмен еще.

Д. В.: Ну да, но не только в спорте было дело, но вообще, ну, не знаю, почему-то ко мне были обращены какие-то взоры и вопросы. И потом в раннее университетское время тоже. Ну, это особое дело. Я даже был на филфаке секретарем комсомольской организации, а у меня в бюро комсомола были очень известные ныне люди.

Д. Б.: Например?

Д. В.: Лешка Аджубей был, военно-физкультурный сектор. Игорь Виноградов, который потом стал издавать этот журнал, который раньше был за границей, а потом писатель, его руководитель, помер...

Д. Б.: «Континент»?

Д. В.: Нет, нет. Бог ты мой! Ну, ладно, неважно. В общем, сейчас этот журнал еще существует. Потом там был Юрий Владимирович Манн.

Д. Б.: Гоголевед.

Д. В.: Сергей Бочаров, любимый мой литературовед. Вот такие вот, у меня была огромная компания. Я был постарше их всех и немножко их сдерживал, потому что они были такие требовательные. Они требовали, чтобы тот, кто поступает в комсомол, какие-нибудь девчонки, прочли бы обязательно последние новинки нашей жуткой советской литературы. Они спрашивали: «„Сталь и шлак“ читала?» — «Нет, не читала». — «Вот прочти, потом приходи поступать в комсомол». А это была жуткая какая-то книга, я не помню, кто был ее автор², в общем, так сказать, хуже всех.

² Автором книги «Сталь и шлак» был Владимир Федорович Попов.



В первом ряду в центре Дмитрий Сарабьянов. 1940-е гг. Архив Сарабьяновых

Ну, потом они, так сказать, очень сильно переродились, все эти мои бывшие подопечные по комсомольской линии. Я сейчас поддерживаю связь с Сережей Бочаровым, я как раз его очень люблю как литературоведа, с Юрой Манном, который Гоголем занимается. Слышали, наверное?

Д. Б.: Конечно!

Д. В.: Да, слышали это имя. С Игорем Виноградовым почти нет. Вот это были мои, так сказать, спутники по комсомольской линии. Ну, пришлось мне тут окунуться в это дело, хотя я никогда не был ни особым поклонником Сталина, ни каким-то... Я всегда жене моей говорил: «Наше счастье и нам помогает капиталистическое окружение». Это была моя формулировка. Потому что тогда о капиталистическом окружении очень много говорили и говорили, что оно нам только и мешает. А я прямо излагал ей свою противоположную концепцию, тем более что она всегда тоже, может быть, еще в большей мере была противником всей этой власти, чем я, даже в более поздние годы.

Д. Б.: А что вы подразумевали под этим, что вам помогает капиталистическое окружение?

Д. В.: Я подразумевал под этим то, что нам приходится как-то все-таки... Если бы его не было, так у нас было бы бог знает что (*смеются*). Вот только это я имел в виду. Ну, это уже другой вопрос, это касается уже моей собственной жизни и деятельности, нежели моих предков и моих каких-то кровных корней.

Д. Б.: Ну, что касается предков, я не знаю, что еще спросить. В общем, вы рассказали интересно, мне кажется.

Д. В.: Ну, не знаю.



Елена Мурина и Дмитрий Сарабянов. Архив Сарабяновых

Двор

Д. Б.: Вы упомянули очень интересный и действительно уникальный факт, что вы всю жизнь с рождения живете в одной квартире.

Д. В.: Да.

Д. Б.: Это парадоксально для нашей современной Москвы. В таком случае расскажите про ваши первые детские впечатления и дальше, как они расходились: двор, улица, Никитская, Брюсов.

Д. В.: Двор. Сейчас у нас двор этот огородили, а он прямо выходит к дому Брюса, который сейчас делают каким-то музыкальным центром, и там сразу выход на Никитскую, напротив Консерватории. Вот этот двор у нас был стадионом, представляете себе? Вот такой овал, стадионного типа, но не четыреста метров, а сто пятьдесят. И мы там бегали на полтора километра, засекали это шахматными часами. Тут вот, где сейчас гаражи устроили, где расположились машины, прямо под нашими окнами, мы толкали ядро. Вот такое приспособление двора под спортивную жизнь. Кого-то вовлекали даже из парней, из ребят, которые жили в этом дворе. Двор, конечно, сыграл большую очень роль.

Владимир Яхонтов

Ну, кроме этого, детские впечатления, может быть, не детские, а уже юношеские: мы очень любили гулять по Тверской. Просто гулять, наблюдать за тем, кто там ходит, кто там рядом, кто проходит мимо (*усмехается*). Я очень любил. Вот у нас был такой маршрут: от Охотного до Маяковки и обратно, туда-сюда, туда-сюда. И попадались какие-то очень известные люди, и нам очень близкие по духу, перед которыми мы преклонялись, в частности гулял Яхонтов. Не знаю, знаете ли вы Владимира Владимировича³?

Д. Б.: Конечно.

³ Оговорка. Яхонтова звали Владимир Николаевич.

Д. В.: Я обожал Яхонтова, я не пропускал его концерты в предвоенные годы. Иногда он шел в одну сторону один, потом уже шел с девицей (*смеется*), и мы с удовольствием, так сказать, на него смотрели.

Ну, конечно, предвоенные воспоминания у меня больше всего от концертов, пожалуй. Вот я любил очень слушать Яхонтова. У него были композиции по Достоевскому, «Настасья Филипповна» была специальная такая композиция. Потом он делал

композиции из Маяковского, очень интересные.

О занятиях музыкой

Еще я занимался музыкой в детские годы, меня учили играть на фортепьяно, учился я плохо. Потом, когда бросил учиться, сам стал читать с листа, это мне удавалось. Потом даже стал сочинять музыку. Это уже было в послевоенные годы. Написал сонаты даже.

Д. Б.: Сохранились они?

Д. В.: Сохранились. Я показывал. Такой есть Аркадьев, музыкант, он даже играл одну часть моей сонаты, когда у меня был юбилей, семидесятипятилетие. Это было в Институте истории искусств, мне устроили, хотя я там не работал уже давно. Вот. Я очень любил пианиста Софроницкого.

Д. Б.: Великий пианист.

Д. В.: Это был мой любимый пианист. Я тоже не пропускал его концерты. Тут напротив Консерватория, все было просто. Ну и как-то складывалась у меня из этих вещей моя довоенная жизнь, школьная еще. И стихи писал.

Увлечение поэзией

Д. Б.: Вы и до сих пор пишете ведь.

Д. В.: Я начал снова писать.

Д. Б.: Начали снова? То есть вы писали в юности и...

Д. В.: Я писал в юности, имел несчастье даже в какой-то военной газете два или три стихотворения опубликовать. Недавно даже одну вырезку нашел.

Д. Б.: А почему «имел несчастье»?

Д. В.: Да плохие, ну, не нравятся мне они. Потом я это дело бросил, стал снова писать в 60-е годы, потом снова в 90-е и даже рискнул издать книжечку.

Д. Б.: Да-да, я видел в интернете ссылку.

Д. В.: Могу вам ее подарить.

Д. Б.: Я буду очень рад.

Д. В.: Где-то у меня один экземпляр как раз лежал. Вот! Это оформил мой внук, он книжный график. А сейчас написал еще, назвал ее «Вторая тетрадь», отдал для обработки внуку, чтобы он набрал как следует и оформил ее. Видите, вот такая у меня ситуация (*усмехается*). Последнее время я больше стал заниматься этим, чем искусствоведением, потому что уже мне искусствоведением заниматься трудно, библиотеки мне недоступны, поскольку мне ходить и сидеть там неважно. В общем, как-то так вот перешел на это.

Д. Б.: Это приятная отдушина.

Д. В.: Да.

Д. Б.: Подпишите?

Д. В.: Подпишу, конечно. Я занимался в те годы и переводами, поскольку я еще учил немецкий, и лучше других молодых людей, которые ленились, а я, так сказать, к этому относился с интересом. Ну, была одна немка, которая нашу группу учила. Я неплохо знал немецкий, потом ведь я даже воевал как военный переводчик.

Д. Б.: Это отдельная тема.

Д. В.: Ну да.

О Владимире Софроницком

Д. Б.: Вы упомянули очень интересное о Софроницком. Поскольку вы любитель музыки и ходили на его концерты, сравните игру Софроницкого с игрой других пианистов. Вы наверняка слышали Юдину и...

Д. В.: Слышал Юдину, слышал Рихтера много.

Д. Б.: Может, Игумнова?

Д. В.: Игумнова слышал еще, да. Ну, Игумнов был тогда стариком уже.

Д. Б.: Да.

Д. В.: Игумнов был стариком.

Д. Б.: А Софроницкий блистал?

Д. В.: Софроницкий был необычайно вдохновенен. Тут, конечно, какую-то роль играла еще его внешность, его поведение.

Д. Б.: А какой он был внешне?

Д. В.: Он был очень красив.

Д. Б.: Высокий?

Д. В.: Он был довольно высокий, но особой высотой не отличался. Он был красив, немножко было в нем такое, ну, он не чувствовал себя в своей тарелке, вот в этой реальности. Он был какой-то отчужденный, отвлеченный, мечтательный.

Д. Б.: Может быть, как Блок?

Д. В.: Может быть, как Блок, но Блока я не видел, естественно.

Д. Б.: Ну, понятно (*смеется*).

Д. В.: Может быть, как Блок. Нет, Блок, хотя это прозвучит не очень хорошо, но он как-то все-таки изображал иногда.

Д. Б.: Да? Вы думаете?

Д. В.: Может быть. Мне кажется, что он подчеркивал...

Д. Б.: Как поэтерство было?

Д. В.: Подчеркивал какие-то моменты вот этого своего особого бытия.

Д. Б.: Но это же очень часто бывает.

Д. В.: Да-да, часто бывает. Это не такой грех уж. У Софроницкого этого не было. Какие-то ходили разговоры насчет того, что он иногда дома говорит своей жене: «Мама, пи-пи». Понимаете? Наверное, это была фантазия, так сказать, безусловно.

Д. Б.: Анекдот, скорее всего.

Д. В.: Но бывали случаи, когда он, отыграв, предположим, одно отделение, от второго отказывался, когда он отменял концерты. Так что от настроения у него очень многое зависело, понимаете. Он был неуравновешенный человек, но это как раз сказывалось иногда в каком-то особом артистизме, великолепии, которое было в его игре. Я очень любил. Шумана он играл прекрасно. Шопена он играл очень хорошо. Шумана он лучше всего играл.

Д. Б.: А мне очень нравится, как он играл Шопена.

Д. В.: Шопен, да. Когда он играл «Симфонические этюды» [Шумана], я всегда на них присутствовал, обязательно, потому что это здорово очень, просто замечательно.

Д. Б.: А вы в Консерваторию ходили или куда еще?

Д. В.: В Консерваторию. Он в Консерватории играл в основном.

Д. Б.: А он и преподавал, наверное, там?

Д. В.: Я не уверен, преподавал ли он, не помню.

Д. Б.: А жил он где?

Д. В.: Жил? Не знаю, где жил он.

Д. Б.: Ведь много давали квартир по Брюсову, в том числе и преподавателям Консерватории.

Д. В.: Нет, он здесь не жил, в Брюсовском он не жил.

Д. Б.: А великих соседей своих вы помните? Николай Степановича⁴ Голованова?

⁴ Оговорка. Голованова звали Николай Семенович.

Д. В.: Я помню, как в нашем садике гулял Козловский, уже стариком, потом Норцов, был такой баритон, вы, наверное, не знаете.

Д. Б.: Норцова не знаю.

Д. В.: Не знали Норцова. Он Онегина пел.

Д. Б.: Ну, это же переулок, где жили все звезды.

Встреча с Мейерхольдом

Д. В.: Да, тут жили все звезды. Жил Мейерхольд.

Д. Б.: А его вы видели когда-нибудь, нет?

Д. В.: Не только видел, но был у меня один такой случай. Мой отец с ним дружил.

Д. Б.: А как так?

Д. В.: Я не знаю, откуда вот эти связи были с Мейерхольдом. Он дружил с Мейерхольдом, потом вот семья Сац, где был старик-композитор. Наталия Сац, которая держала детский театр, она была дочерью или внучкой, я сейчас уже не помню.

Д. Б.: Дочерью, наверное.

Д. В.: Саца я очень хорошо помню, среднего, не композитора, а его сына, он у нас бывал.

Д. Б.: А он кто был, сын?

Д. В.: Вот не помню. По-моему, адвокат, если мне память не изменяет. Вот такие были люди, с которыми он дружил. И с Мейерхольдом он дружил. Тогда строили Театр Мейерхольда...

Д. Б.: На Маяковке?

Д. В.: Который был на Маяковке, который стал потом вот этим...

Д. Б.: Залом Чайковского.

Д. В.: Зал Чайковского, да. Он мне говорит: «Димка, поедem с Мейерхольдами на строительство, посмотреть, как там строится». Я говорю: «С удовольствием». Ну, было мне тогда лет четырнадцать, наверное.

Д. Б.: О, вы были взрослым человеком.

Д. В.: Да, взрослым человеком.

Д. Б.: Вы же 23-го года?

Д. В.: 23-го, да. Ну, это какой-нибудь 37-й, что ли.

Д. Б.: Ну, какой он был для вас? Он же очень специфический человек.

Д. В.: Понимаете, я иногда рассказываю историю про это посещение Мейерхольда, так больше всего... Он был тогда с Зинаидой Райх и с дочерью ее от Есенина.

Д. Б.: Таней?

Д. В.: Да. А она была немножко постарше меня, чуть-чуть, по-моему, на пару лет⁵. И когда мы поднимались на леса, я все время подглядывал под ее юбку (*смеются*). Я запомнил это больше, чем самого...

Д. Б.: Мейерхольда.

Д. В.: Да. Мне стыдно сказать, но что делать.

⁵ Татьяна Есенина родилась в 11 июня 1918 году, то есть была старше Дмитрия Сарабьянова на пять лет.

Д. Б.: Прекрасно.

Д. В.: Ну, а тогда на машине туда-сюда...

Д. Б.: Ах, вы на машине даже ездили?! Тут пройти-то два шага.

Д. В.: На его машине, открытая машина.

Д. Б.: Кабриолет.

Д. В.: Да.

Д. Б.: Нет, ну, просто так вот...

Д. В.: Да, но все-таки я видел Мейерхольда.

Д. Б.: Несколько раз или один раз?

Д. В.: Нет, один раз, один раз, больше я...

Д. Б.: Ведь он человек специфический, да? Он очень резкий в движениях.

Д. В.: Да, да-да-да. Он такой...

Д. Б.: Порывистый.

Д. В.: Подчеркнуто гротескный немножко.

Д. Б.: Сгорбленный, да?

Д. В.: Сгорбленный? Я не помню, чтобы он был особенно сгорбленный. Ну, может быть.

Д. Б.: Ну, так, немножко сутуловатый.

Д. В.: Ну, да-да. Сарьян⁶ его очень хорошо изобразил на этом портрете, где-то 40-го года, незадолго до ареста⁷. Но он там совсем в полном, конечно, пессимизме, на этом портрете. Надо сказать, тогда он был живой и разговорчивый.

⁶ Возможно, речь идет о портрете Мейерхольда работы Петра Кончаловского, а не Мартироса Сарьяна.

⁷ Мейерхольд был арестован 20 июня 1939 года, расстрелян 2 февраля 1940 года.



П. П. Кончаловский. Портрет Всеволода Эмильевича Мейерхольда. 1938. ГТГ

Д. Б.: И вместе с Райх вы ездили, да?

Д. В.: Да.

Д. Б.: А Райх вы помните?

Д. В.: Нет, не помню. Вот я не помню ни лица ее, ни... Ну, помню лицо по фотографиям. Она жила ведь тут, на углу нашего переулка.

Д. Б.: Так и Мейерхольд здесь жил?

Д. В.: Да, и Мейерхольд здесь жил, но Мейерхольда уже не было, когда ее убили-то⁸.

Д. Б.: Да, но ведь ее убили очень вскорости.

Д. В.: Да, вскорости, я помню.

⁸ Зинаида Райх была убита 15 июля 1939 года.

Д. Б.: А помните вот эти разговоры о Мейерхольде и о смерти Райх?

Д. В.: В семье не помню. Вообще, разговоры шли, но я...

Д. Б.: Все-таки это убийство на вашей улице. Наверное, о нем было слышно.

Д. В.: О нем много очень говорили. Какие-то там оказались взломщики, бандиты. Мне кажется, что это было что-то другое на самом деле.

Д. Б.: Конечно, чекисты, господа. Ну а что говорили на улице тогда? Как воспринималось?

Д. В.: Не помню.

Д. Б.: Ну, хорошо. А из других? Вот Голованов жил у вас. Внешне Голованова помните?

Д. В.: Нет, Голованова не помню. Голованов был мужем Неждановой.

Д. Б.: Да. Собственно, улица-то была.

Д. В.: Да, улица Неждановой была, да. Голованова не помню. И еще кто тут был? Да много тут было.

Автомобиль Станиславского в доме артистов МХАТ

Д. Б.: Дальше же еще мхатовские там были.

Д. В.: И мхатовские. В квартире Станиславского, дальше, за церковью, там есть дом, где...

Д. Б.: А где квартира Станиславского?

Д. В.: Там была.

Д. Б.: Так это же в другом переулке.

Д. В.: Это на улице Станиславского⁹.

Д. Б.: Да.

Д. В.: Но там одно время жил Станиславский. Его внучка, которая недавно умерла, была переводчицей очень хорошей. Я занимался много художником Фальком, книжку о нем сделал большую, даже еще одну в Германии издал. И вот с этой женщиной я был довольно тесно связан. Она¹⁰ была внучкой Станиславского, потому что у Фалька было несколько жен, как раз вторая жена была дочь Станиславского¹¹.

⁹ Дом-музей Станиславского находится в Леонтьевском переулке. Речь идет про дом артистов МХАТ в Брюсовом переулке.

¹⁰ Кирилла Романовна Барановская-Фальк была внучкой Константина Станиславского, дочерью Киры Алексеевой и Роберта Фалька.

¹¹ Кира Константиновна Алексеева.



Р. Р. Фальк. Портрет Киры Алексеевой. 1919. ГТГ

Д. Б.: Это до Ангелины Васильевны, видимо?

Д. В.: До Ангелины Васильевны, намного до, потому что после этого была Раиса Вениаминовна, которая вышла замуж за...

Д. Б.: Которая Азарх¹² была.

Д. В.: Она вышла замуж за художника¹³, остовский, знаменитый, сразу вслед за Дейнекой всегда он шел. Ну, я забыл имя.

Д. Б.: Ну, я тоже не помощник вам. Не помню.

¹² Азарх-Грановская была ее сестра, Александра Вениаминовна, а их девичья фамилия была Идельсон.

¹³ Художник Александр Аркадьевич Лабас, член группы ОСТ (Общество художников-станковистов).

Д. В.: Ну, не будем сейчас вспоминать, потому что можно было бы пойти к жене, у нее спросить, она бы сразу сказала.

Я у нее бывал. Когда я в первый раз туда пришел (я Фальком начал заниматься еще в 50-е годы), почему-то там стоял, в этой квартире наверху, на каком-то этаже, открытый автомобиль Станиславского.

Д. Б.: Подождите, это про какой дом вы рассказываете?

Д. В.: Который за церковью, который почти напротив... Если вы идете туда...

Д. Б.: Ну, по Брюсову?

Д. В.: По Брюсову.

Д. Б.: Напротив сквера, там, где Гельцер жила?

Д. В.: За церковью, напротив сквера, где Гельцер жила¹⁴.

¹⁴ Жилой дом артистов МХАТ, Брюсов переулок, 17.

Д. Б.: И там Станиславский жил?

Д. В.: Там Станиславский жил.

Д. Б.: Наверху?

Д. В.: На каком-то этаже, на третьем, что ли, я сейчас не помню.

Д. Б.: Интересно. А почему там оказался автомобиль?

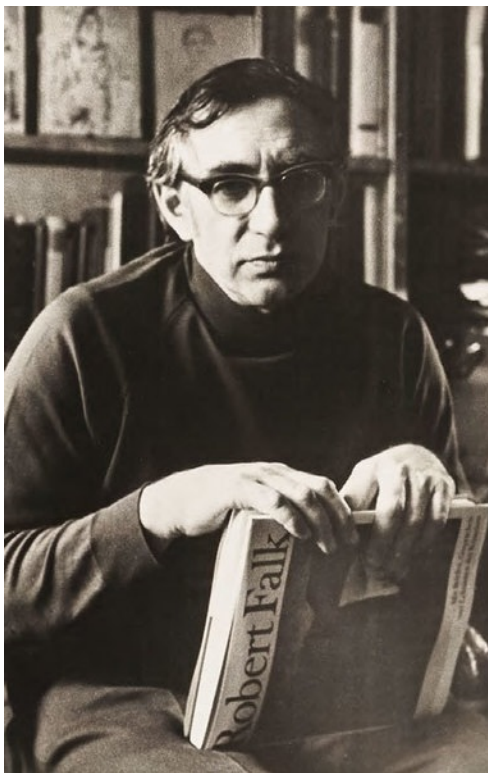
Д. В.: Вот они его там хранили.

Д. Б.: Наверху. Где?

Д. В.: Видимо, они его подняли как-то, собрали, он там стоял просто в комнате.

Д. Б.: Интересно. А зачем?

Д. В.: Не знаю. Я не спросил.



Дмитрий Сарабьянов со своей только что изданной монографией о Р. Р. Фальке на немецком языке, Москва, 1975. Фото: Н. С. Лаврентьев. Архив Н. С. Лаврентьева. Источник фото: www.tg-m.ru

Подготовка выставки Роберта Фалька. Мастерская Фалька

Я тогда занимался не Станиславским, а Фальком, я смотрел на стены, на те вещи, которые...

Д. Б.: А когда Фальк умер?

Д. В.: Фальк умер в 58-м.

Д. Б.: А вы его видели?

Д. В.: Да, конечно. Я готовил выставку первую, которая была после войны. После войны ведь не было его выставок. В 58-м году была выставка Фалька.

Д. Б.: Это там Хрущев сказал «Голая Валька»?

Д. В.: Там не было «Голой Вальки». «Голая Валька» была в Манеже. А там были вещи, которые он сделал в последние годы перед смертью. Он был уже больной, я бывал у него.

Д. Б.: Это где? Напротив храма Христа Спасителя?

Д. В.: Да, напротив храма Христа Спасителя, в доме Перцова, где была его мастерская.

Д. Б.: Это чудесно! Расскажите об этом доме, потому что дом совершенно фантастический.

Д. В.: Да, фантастический дом.

Д. Б.: И как там Фальк?

Д. В.: У Фалька там была большая мастерская, где-то под крышей совсем. Там было довольно много окон, видимо, одни были потом уже пробиты. Нет, хотя не портили этот дом Перцова никогда, его не реставрировали. Видимо, он был на каком-то этаже, не как окна нормальные, большие, а скорее, как чердачные какие-то окна. Там была большая мастерская, был отгорожен запасник, где хранились все вещи. Потом была комната, где они жили с Ангелиной Васильевной, там стоял рояль даже, потому что Фальк играл. Он аккомпанировал Ангелине иногда. Там бывал у них Рихтер, и он играл тоже на этом рояле. Они устраивали в своей мастерской такие дни посещения, когда можно было прийти, ну, не всем с улицы, во всяком случае, как-то с ней договориться прийти, и он там показывал вещи. Ну, молча заходил туда, приносил одну картину, ставил, потом убирал, потом молча уходил. Там бывали художники, искусствоведы.

Д. Б.: И вы бывали на этих посещениях?

Д. В.: Я бывал, бывал. Кроме этого, я бывал, когда я готовил эту выставку, это уже в самый последний год его жизни, в58-й. Помню, я пришел к нему, чтобы поговорить, мне нужно было писать вступительную статью. Я ее написал, за нее мне потом попадало многие годы, если не десятилетия (*усмехается*). Я пришел к нему, он сидел и играл в шахматы со Зверевым.



Дмитрий Владимирович Сарабянов и Ангелина Васильевна Щекин-Кротова. Частный архив, Москва

Анатолий Зверев

Д. Б.: С Анатолием?

Д. В.: Да. Зверев был в кирзовых сапогах, такой парень прямо с улицы.

Д. Б.: Ну, он тоже играл парня с улицы, нет?

Д. В.: Ну, как вам сказать. Он был наивный человек. И тогда Фальк сказал: «Анатолий, пойди в ту комнату, там у меня есть книжки о Рембрандте, о Рубенсе, на столе лежат как раз, а нам с Сарабяновым надо поговорить по делам». Мы стали говорить с Фальком о том, какие вещи, он мне рассказывал, как он их делал и что делал. Ну, как всегда, когда готовишь какую-то статью, надо что-то расспросить. А потом вдруг открывается дверь, Зверев высовывает голову и спрашивает: «Роберт Рафаилович, а как они все деньги зарабатывали?» Вот это я запомнил (*смеются*).

Д. Б.: Насущный вопрос.

Д. В.: Тот улыбнулся, сказал: «Ну как же, они писали заказные портреты. Им много платили денег за эти портреты. Это все было законно». Потом он ушел обратно. Я потом ушел, а они, наверное, продолжали играть в шахматы.

Д. Б.: А со Зверевым у вас был какой-то?..

Д. В.: Нет, со Зверевым... В это время я как раз преподавал и читал лекции в Третьяковке, просто на вещах. Там было разрешено, брали студенты стулья, садились и смотрели. Предположим, я читаю Кипренского — мы в зале Кипренского, я читаю Федотова — мы в зале Федотова, Иванова и так далее. Несколько раз, довольно часто, приходил туда Зверев, может быть, просто в Третьяковку посмотреть, вот раза два, может быть, даже и три. Меня он уже знал, мы с ним иногда здоровались. Он стал почему-то все время торчать на этих моих лекциях и что-то даже приговаривать, что-то там как-то так...

Д. Б.: Комментировать?

Д. В.: Не то что комментировать, но наивно что-то такое замечать по этому поводу, может, иногда и правильно, я не знаю, это мне сказать трудно. Вот только такие у меня были с ним встречи, на почве другой я с ним не встречался никогда. Нет! Встречался у Костяки.

Д. Б.: А!



Отъезд Георгия Костяки. Прощание с Анатолием Зверевым, на заднем плане Николай Лавренъев и Игорь Санович, Москва, 1977. Фото: Игорь Пальмин

Дружба с Георгием Костяки

Д. В.: У Костяки еще встречался разок со Зверевым, да. Ну, вообще мы с Костяки дружили. Он очень любил нас с женой как раз, хотя и ругал.

Д. Б.: Почему?

Д. В.: Ну, ругал. Он жену мою спрашивает: «Лёль, ты чем сейчас занимаешься?» — «Я сейчас пишу книжку о Ван Гоге». У нее хорошая была книжка о Ван Гоге. Мурина фамилия моей жены.

Д. Б.: А-а-а!

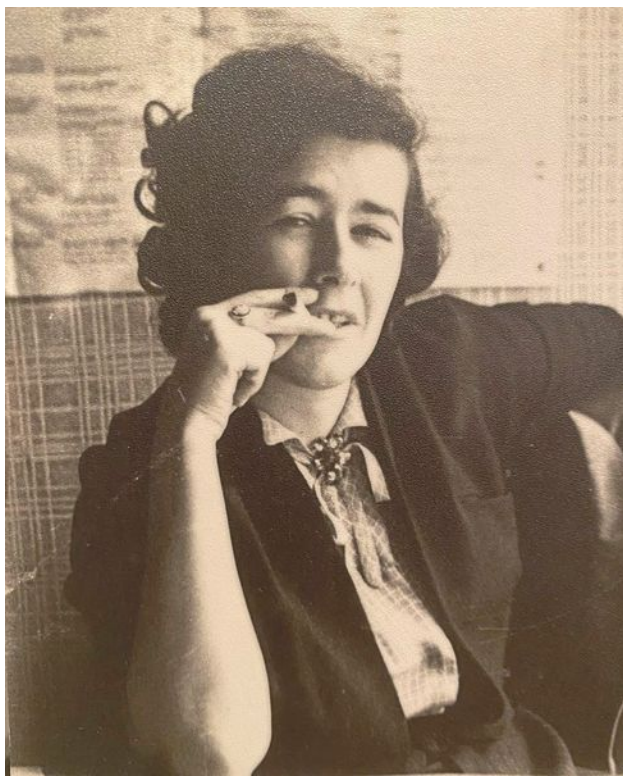
Д. В.: Слышали?

Д. Б.: Конечно.

Д. В.: У нее была хорошая книга о Матвееве, таком скульпторе, потом о синтезе искусств была хорошая книжка. Сейчас вот она там сидит, уже многие годы пишет о Сезанне и никак не может закончить.

«Ты что пишешь?» — «Я сейчас пишу о Ван Гоге». — «Дура! Пиши о Любочке Поповой. Что о Ван Гоге? О Ван Гоге сто книг написано. Ты что, с ума сошла?» Вот это был предмет, так сказать, ругани. А у нас оказалась Попова, которую он очень любил. Попова попала к нам. Я уже рассказываю вам про какие-то совершенно другие вещи.

Д. Б.: Ничего страшного. Мы обязательно вернемся.



Елена Борисовна Мурина. Архив Сарабьяновых

О дружбе тещи с Александром Весниным и картинах Любови Поповой

Д. В.: Попала она вот по какой линии. Моя теща, Надежда Васильевна Бухарина...

Д. Б.: Ого!

Д. В.: Нет, к Бухарину она не имела отношения. Она выясняла с Юрой Лариным¹⁵. Я не знаю, знаете ли вы или нет...

Д. Б.: Конечно.

¹⁵ Юрин Ларин сын Николая Бухарина.

Д. В.: Такой художник есть. Ну, правда, потом он ей позвонил и сказал: «Знаете, Надежда Васильевна, туткакая-то есть деревня, вот где-то там, из тех мест, откуда Бухарин происходит, тоже из Ярославской губернии, — а моя теща из Ярославской, — так там все были Бухарины». Так что может быть, даже есть какая-то общая кровинка. Надежду Васильевну мы называли хранительницей, бабушкой русских диссидентов. Она обхаживала Солженицына, варила ему супы, еще до его отъезда. И тоже ее Солженицын, так сказать, упрекал: «Что вы, Надежда Васильевна, тут был кусок мяса, вы его выкинули. Ведь вы не знаете, как мы голодали в шарашке или в лагере». Потом она обхаживала Сахарова таким же образом.

Д. Б.: А что значит «обхаживала»?

Д. В.: Приходила, помогала, варила — ну, вот так вот.

Д. Б.: Понятно.

Д. В.: Ростроповича немножечко. Поэтому, так сказать, мы их всех знали. Ну, с Сахаровым я не был знаком, с Солженицыным немножко были знакомы. Дело в том, что мать Наталии Дмитриевны, вдовы Солженицына, была подругой Надежды Васильевны, поэтому эта связь оттуда, оттуда образовалась, понимаете.

Д. Б.: А, понятно.

Д. В.: Вот. Ну и последние годы своей работы она работала в мастерской Весниных, несколько лет проработала там и была связана с архитекторами, была дружна с Весниными, в особенности с Александром Александровичем. Александр Александрович, младший который, больше был живописец, театральный художник. Вот это как раз его вещи. Он дружил очень с Поповой, одно время даже претендовал на то, чтобы быть ее мужем. Она вышла за другого¹⁶, потом после революции тот умер. Он был исследователем искусства Русского Севера. По-моему, так сказать, даже практически Веснин был ее мужем какое-то время, ну и многие картины остались у него на даче. Вот туда Костяки ездил. Он там собрал огромное количество этой Поповой, еще кто-то там поживился.

¹⁶ Борис Николаевич фон Эдинг.

Значит, незадолго до смерти Александр Александрович спрашивает свою сестру: «Лидочка, куда же мы будем девать

Попову?» А там какой-то был родственник, который чуть ли не Татлина, который у них хранился, уже на помойку отнес. Она говорит: «Давай передадим Сарабьяновым. По крайней мере, они отреставрируют и сохранят». Так они и сделали. Уже после смерти Александра Александровича Лидия Александровна нам эту Попову передала.

Насчет Поповой тоже были все время с Костак у нас дела. Мы ему подарили пару вещей, даже в большом сборнике это отмечено. А один раз мы одну картину Поповой... Был такой Чудновский, питерский самый главный коллекционер по периоду начала XX века.

Д. Б.: По авангарду?

Д. В.: Да, авангард. Замечательная у него была коллекция. Он говорит: «Хотите, я вам одну вашу Попову поменяю?» Я захотел Кузнецова иметь, Павла Варфоломеевича. И вот он одну раннюю вещь нашел, поменял. А мы отдали какую-то раннюю натурщицу. Костак так на нас ополчился: «Вы с ума сошли! Как вы можете? Что, вы не понимаете, дураки вы какие-то? В сто раз дороже стоит эта вещь Поповой, нежели вот эта ранняя вещь Кузнецова». Он начал ее искать. Он потом выкупил у того эту вещь, она где-то фигурирует даже. А Кузнецов у нас благополучно висит, я очень его люблю. Он еще даже до голуборозовский, еще на «Алой розе»¹⁷, наверно, эта вещь выставилась. Ну, вот так. Вот там я Зверева, по-моему, встречал.

¹⁷ В 1904 году Павел Кузнецов был одним из организаторов выставки «Алая роза», позже принял участие в формировании объединения «Голубая роза».

Д. Б.: Ага, понятно. Вот столько разных нитей получилось.

Д. В.: Да-да-да, нитей много, ну, так людей-то много на свете. Слава богу, были у меня связи с людьми, которых я очень ценил. Петр Андреевич Зайончковский, такой был историк, я его очень любил. Мы дружили последние годы его жизни.

Д. Б.: Он уникальный человек. Хорошо было бы, если о нем вы что-нибудь сказали. Прекрасный, историк великолепный, просто великолепный. Его справочники совершенно замечательные.

Д. В.: Да, Петр Андреевич. С Лихачёвым я был в близких отношениях, ну, не то что мы дружили... С Петром Андреевичем я дружил. Он у нас бывал, мы у него бывали. Дружба эта прекратилась с его смертью, конечно. Потом его жена, Ираида, тоже с нами какие-то отношения поддерживала, но нам показалось, что немножко взволновал ее обыск.

Обыск в 1985 году

У нас был обыск в 85-м. Так сказать, мы не хотели уже с ней особенно, чтобы она...

Д. Б.: С чем был связан обыск?

Д. В.: Обыск? Обыск был не у меня, а у Муриной, так сказать, официально.

Д. Б.: Официально.

Д. В.: Да. Правда, на мне это откликнулось как раз очень хорошо, потому что я заведовал кафедрой и никак не мог освободиться от этой должности (*Споры смеется*). А когда был обыск, они написали ректору письмо, что «у Сарабьянова нашли какую-то религиозную литературу и так далее, какую-то запрещенную литературу, что-то еще, обратите внимание...» Меня тогда наш декан, Кукушкин, спрашивает: «Что будем делать?» Я говорю: «Что? Вот у тебя давно лежит мое заявление о том, что я прошу, чтобы меня освободили. Давай меня освобождай». Меня оставили профессором и освободили от кафедрала, и я передал дела по кафедре Морозову Александру Ильичу, ну, другое поколение.

Д. Б.: А Кукушкин жив или нет?

Д. Б.: Жив. Ну вот. Так что, так сказать, она кончилась для меня благополучно. Ну, у нас были такие друзья Световы. Светов Феликс.

Д. Б.: А, так это как раз Филиппа Дзядко бабушка с дедушкой.

Д. В.: Да. Да-да-да, это вот дед Дзядко, как раз бабушка с дедушкой.

Д. Б.: Это из-за них обыск?

Д. В.: Да. Светов еще не сидел тогда или уже сидел, я сейчас не помню. Но он довольно часто звонил. Он хранил свою рукопись у Лёли, у моей жены, и звонил довольно часто. Наверное, прослушивалось все. Не так, как один диссидент моей теще звонил и сказал: «Вот те эклеры, которые вы присылали, мы уже съели, пришлите новые». Имелась в виду литература, самиздат, понимаете.

Д. Б.: Понятно, понятно.

Д. В.: Тут было немножко другое, тут просто звонил и говорил: «Я тебя еще что-то занесу». И так несколько раз, и заносил, и какой-то его роман собрался. Видимо, его искали. Искали в связи с тем, что как раз в это время Зоя Крахмальникова, его жена (тогда они уже, по-моему, разошлись), издавала эту свою «Надежду». Видимо, с этим было связано. Вот они искали, думали, то, что Феликс нам передавал, связано с «Надеждой». Ну и нагрянули к нам как-то утром рано, в семь часов. Мы еще встать, конечно, не успели. <...> Ну и они что-то искали, какой-то компромат и вот те бумаги. Они думали, что это связано было с этим, а там оказался этот роман. Ну и нашли, причем написали, что они нашли в тайнике, потому что у нее в комнате такой стол, который так сдвигается.

Д. Б.: Ломберный.

Д. В.: Ломберный, да. Они это истолковали как тайник (*усмехается*). Они как-то случайно его открыли.

Д. Б.: Ну, я тоже прячу в ломберный стол то, что мне нужно спрятать, так что тайник, да.

Д. В.: Ну вот, имейте в виду.

Д. Б.: Если найдут, то скажут: в тайнике.

Д. В.: Да, то скажут: в тайнике. Ну, ее таскали в КГБ. Меня тоже таскали, только не в КГБ, а в это... Ну, значит, тогда был такой обыск. Причем тут ко мне пришли двое, и их не выпускали до самого конца, пока они не кончили этот обыск. Это были Алленов, есть такой искусствовед по русскому искусству, мой любимый, был моим аспирантом, он Ивановым занимается, и Пальмин, такой есть фотограф очень известный.

Д. Б.: Да-да-да. У него необычное отчество, по-моему, да?

Д. В.: Игорь... Не помню, какое у него отчество.

Д. Б.: Ну, может быть, я путаю.

Д. В.: Ну вот, им пришлось сидеть до самого конца. Потом они дальше что-то искали, поставили машину у нас под окнами, она тут стояла. Они, видимо, подслушивали, как мы обсуждаем в комнате все эти вопросы, услышали, что у нас есть дом в деревне, и в деревню прислали целую, так сказать... Было несколько машин, которые туда приехали, взяли понятых, стали что-то искать, нашли какую-то литературу, ну и так далее.

Д. Б.: Ничем это не кончилось, продолжения не имело?

Д. В.: Нет, нет. Ну, бог ты мой, наступали горбачевские времена. Это было уже в 85-м, по-моему, так сказать, на исходе Черненко.

Д. Б.: Сажали только за что-то экстраординарное.

Д. В.: Да-да-да. Здесь о посадке не могло быть и речи, хотя, конечно, они могли бы какое-то дело соорудить.

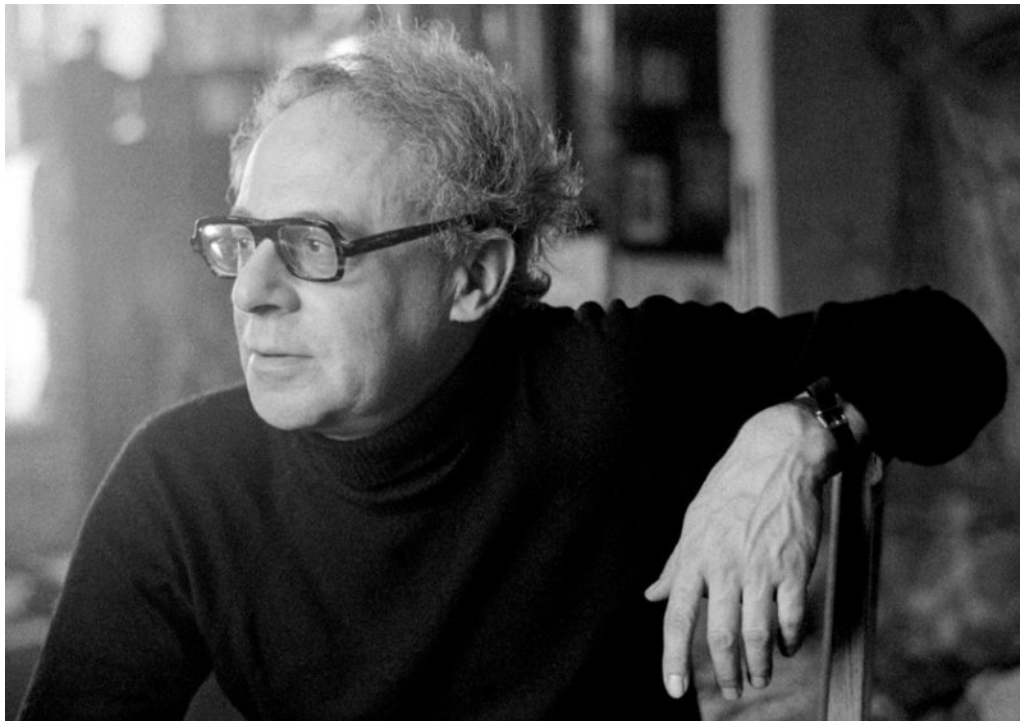
Д. Б.: Ну, вот Светова... Или его не посадили, Светова? Или посадили?

Д. В.: Светова посадили.

Д. Б.: А он не в ссылку просто?

Д. В.: Или в ссылку.

Д. Б.: В ссылку. Сажали крайних, типа Бородина. Бородина в то время как раз посадили. Ну, понятно.



Писатель Феликс Светов. 1981. Фото: Игорь Пальмин

О Роберте Фальке и его дочери

Д. В.: Ну что, вас еще будут интересовать какие-то мои дела, так сказать, более поздние, что ли? Или вас интересует только род?

Д. Б.: Нет, конечно, меня интересуют все дела. Ну, все — это очень условно. Ну, даже то, что вы сейчас упомянули Фалька. Вот о Фальке безумно интересно, если вы дадите некоторую картинку, портрет, станете не только поэтом, но и живописцем, изобразите художника Фалька, какой он. И вот этот дом фантастический. Там оставались еще какие-нибудь соседи-художники?

Д. В.: Нет, сейчас там никого не осталось.

Д. Б.: Нет, а в то время?

Д. В.: В то время там был Куприн.

Д. Б.: Оставался еще?

Д. В.: Куприн оставался. Рождественский, кажется, умер уже тогда, а может быть, не умер. Но Куприн-то был, и вот они дружили с Фальком. Куприн ближе всего из «Бубновых валетов» был Фальку. Пожалуй, никого больше и не было из художников. Зато был кто-то, может быть, из новых. (*Муриной*) Лёль, ты не помнишь, в этом доме Перцова, кроме Куприна, был Рождественский?

Елена Борисовна Мурина (далее Е. Б.): Да.

Д. В.: А кто еще там был из более молодых? По-моему, не было уже тогда, да?

Е. Б.: Не было.

Д. В.: (*Муриной*) Я тебе тогда рассказывал, что я, когда был в этом доме... Как ее звали-то, Станиславского внучку?

Е. Б.: Романа. Нет, Романовна. Киляля!

Д. В.: Киляля, Киляля.

Е. Б.: Ну, имя-то у нее было не Киляля, конечно. Ее звали, подожди, как же...

Д. В.: Елена?

Е. Б.: Нет, что ты! У нее было какое-то редкое имя.

Д. В.: Ну, Киляля.

Е. Б.: Ну, в детстве она сама себя назвала Килялей, так ее и звали. Как же ее звали-то?



Киляля, дочка Роберта Фалька и Киры Алексеевой, внучка Константина Станиславского. Источник фото: goskatalog.ru

Д. В.: Я тебе рассказывал, когда я пришел удивленный, что там машина стоит?

Е. Б.: Да.

Д. В.: А Станиславский там жил разве, в этом доме?

Е. Б.: Нет.

Д. В.: А почему же это?..

Е. Б.: Он жил в том доме, где сейчас музей Станиславского.

Д. В.: Да, я знаю, в Леонтьевском.

Е. Б.: В Леонтьевском. По-видимому, потом оттуда машину забрали, но, как они затащили в квартиру, непонятно.

Д. Б.: Это что-то экстраординарное.

Е. Б.: Да, вот Дмитрий Владимирович, я помню, пришел, вытаращив глаза, сказал, что там стоит в квартире машина (*смеется*).

Д. Б.: Машина? В квартире?

Д. В.: Да, в комнате, она стояла в комнате.

Е. Б.: При чем не на первом этаже даже.

Д. В.: Нет, не на первом, на третьем, по-моему, они жили. Ты у них не была никогда?

Е. Б.: Нет, нет.

Д. В.: Это я только ходил туда.

Д. Б.: Как они ее затащили-то?

Д. В.: Интересно, куда она потом делась. <...>

О проблемах со зрением и военной службе

Д. Б.: А вы когда были призваны на фронт?

Д. В.: Я был белобилетник, но когда я...

Д. Б.: А что у вас?

Д. В.: У меня была близорукость очень сильная, минус семь. Потом, до того как я снял очки, когда мне все заменили, у меня было минус тринадцать, но это было уже в недавние годы.

Д. Б.: А как же вы сейчас без очков?

Д. В.: Правый глаз у меня совсем не видит, потому что у меня отслоение сетчатки было, а левый мне заменили.

Д. Б.: Хрусталик?

Д. В.: Да, хрусталик, и поставили плюс один вместо минус тринадцати.

Д. Б.: Новая жизнь началась.

Д. В.: Да. Я снял очки — новая жизнь началась.

Когда я вернулся уже из эвакуации, из Свердловска... Я начал войну с Курской дуги. Это значит...

Д. Б.: 43-й, да?

Д. В.: 43-й, да. Вот я провоевал сколько? 43-й, 44-й, половину 45-го — два с половиной года.

Д. Б.: А в каких войсках?

Д. В.: Я был сначала в пехоте, переводчиком пехотного полка. Потом меня ранило довольно сильно. У меня до сих пор вот здесь сидит пулеметная пуля большая. Мне делали снимок, и вдруг с вытаращенными глазами прибегает врачаха, говорит: «Что у вас здесь такое?» Говорю: «Пуля». Ну, я был в госпитале, после этого я попал в танковый корпус. Ну и демобилизовался где-то я... <...>



Дмитрий Сарабянов. 1944. Источник фото: independent-academy.net

Виктор Дмитриевич Дувакин

Е. Б.: Какой молодец Дувакин, вернее, Пиотровский. Пиотровский его направил на это дело?

Д. В.: Не Пиотровский, а Петровский. Пиотровский — это совсем другое.

Д. Б.: Там сложно, не то что направил. Дувакин хотел этим заниматься с 30-х годов. И там очень интересные есть вещи. Считается, что устная история только зародилась, а Дувакин писал в Литературном музее и в МГУ, что «вот я хочу такие-то и такие-то вещи делать». Поэтому была выношенная идея. Петровский сказал: «Чем вы хотите заниматься?» Дувакин предложил готовый вариант. И с Маяковским. Маяковский — как такой щит.

Е. Б.: Ну да. Он любил его, кроме того, что это щит, он его обожал.

Д. Б.: Конечно. А вы были знакомы с ним?

Е. Б.: С Дувакиным? Мы же учились вместе, так что я его знала.

Д. В.: Нет, я его слышал.

Е. Б.: А я его знала. Знаете, когда я его знала? Он жил в том же переулке, где я жила до замужества.

Д. Б.: В 1-м Тружениковом?

Е. Б.: В 1-м Тружениковом, да.

Д. Б.: Я внук Дувакина.

Е. Б.: Ах, вы внук! Я смотрю, что-то у вас похожее.

Д. В.: Я даже не знал.

Д. Б.: Это необязательная информация.

Д. В.: Подождите, у него же дочь училась у нас.

Д. Б.: Катя, да.

Е. Б.: У него две дочери.

Д. В.: Это ваша?..

Д. Б.: Моя мама, да.

Д. В.: Елки-палки!

Е. Б.: А я видела Дувакина в детстве. Я его запомнила, потому что я иногда видела, сидя у окна, как он по противоположной стороне этого переулка шел с бидоном. Всегда на руке у него висел большой бидон, потому что была молочная на Плющихе, Чичкина, старая, называлась Чичкина, владельца давно не было. Он ходил почти каждый день за молоком для девочек.

Д. Б.: Понятно.

Е. Б.: С газетой, которую он на ходу читал. Это была такая фигура... Я его, конечно, ассоциировала с этим стихами «жил на улице Бассейной человек рассеянный». Его шевелюра, румяный был, очаровательный он тогда был. И когда я поступила в университет: «Господи, он же мой сосед!»



Виктор Дмитриевич Дувакин. 1964. Источник фото: отдел устной истории НБ МГУ

Д. В.: Я помню Дувакина. А я вспоминаю, как я поразил вашего деда на экзамене, потому что я знал много стихов и что-то ему отвечал по стихам 20-х — 30-х годов, даже не помню, что именно. Я вдруг ему какую-то выдал большую цитату из Дмитрия Петровского. Знаете такого поэта?

Д. Б.: Нет, никогда и не слышал даже. Дмитрий Петровский?

Д. В.: Ну, такой послехлебниковский, но более советизированный. У него даже были какие-то исторические поэмы про армию, там что-то еще: «Я видел, как легла коса... И на устах осталась соль», — что-то такое.

Е. Б.: А чем ты его поразил? Что ты ему прочел?

Д. Б.: Дмитрия Петровского.

Е. Б.: А! Да, это редкая книжка. Вы не знаете Дмитрия Петровского?

Д. Б.: Нет.

Е. Б.: Друг Хлебникова.

Д. В.: Он так на меня смотрит.

Е. Б.: Он с Хлебниковым таскался по степи где-то. Он поэт был тоже.

Д. В.: Ничего, неплохой поэт.

Е. Б.: Жил в Старом Крыму. Я его видела.

Д. В.: Видела?

Е. Б.: Да, он еще был жив.

Д. В.: Когда?

Е. Б.: С Ниной Константиновной дружил.

Д. Б.: А! Все, понял! Он и с Волошиным тоже был дружен.

Е. Б.: Да, наверное. Но он уже совсем был старый. А наша невестка старшая — внучка Нины Константиновны Бальмонт...

Д. Б.: Бруни.

Е. Б.: Бруни. А Нина Константиновна Петровского знала, наверное, с молодости.

Д. Б.: А, все-все-все, знаю.

Е. Б.: И она к нему таскалась в Старый Крым.

Д. Б.: Он еще и переводчиком был, да?

Д. В.: Да-да-да.

Е. Б.: Как все поэты. Они этим жили. Так что я его видела. Я даже помню его внешне. Он был высокий, худой, с большой седой шевелюрой, много волос у него было, и такое резкое лицо. Интересный был, выразительный персонаж. Лапы у него были такие большие (*смеются*).

1-й переулоч Тружеников. Здание архива партии

Д. Б.: А вы где в Тружениковом жили?

Е. Б.: Дом тринадцать. Сейчас его нет.

Д. Б.: Это напротив церкви, что ли, или где?

Е. Б.: Почти, наискосок от церкви. Ходила в эту церковь в детстве. У нас была соседка, это была коммуналка, конечно, и соседка была очень хорошая женщина, верующая, замечательная. Она меня очень любила и водила в нашу церковь. Так что я очень хорошо помню. Она была очень красивая. Ну, XVII век, огромный иконостас, со святыми этими самими...

Д. Б.: Она разве не закрывалась?

Е. Б.: Закрывалась. Ее потом закрыли, прямо на моих глазах сломали купола, и там была фабрика. Сейчас ее открыли.

Д. Б.: Да, сейчас там все хорошо.

Е. Б.: А переулоч был очень интересный, как оказалось. Я всем это рассказываю. Был рядом с нами загадочный дом за большим белым забором. Небольшой двухэтажный дом, но никто не знал, что там, кто там. Он был от нас через дом, поэтому я его помню хорошо.

Однажды уже тут я гуляю во дворе с каким-то своим внуком, подружилась с молодой женщиной, она гуляла со своим ребеночком. А она читала какую-то мою книжку про Матвеева, не помню. Она ко мне как-то очень расположилась, мы с ней общались. Потом я как-то еду в троллейбусе к моей маме (она жила в Лёвшинском переулке, не доезжая Zubovskoy), сидит эта молодая женщина с какой-то пожилой дамой. Она говорит: «Познакомьтесь, это моя мама». Я познакомилась. «А куда вы едете?» — «А мы едем в Тружеников переулок». Я говорю: «А что там?» Она говорит: «А там моя мама жила». — «Где?» Она говорит: «В доме одиннадцать». Я говорю: «Это такой загадочный белый дом?» Она говорит: «Да». Я говорю: «Что же там было?» Она говорит: «А там был архив партии».

Д. Б.: Ничего себе!

Е. Б.: Да. И заведовал им Петерс, был такой латышский стрелок, большевик, чекист. И они там жили, вот эта мама ее жила. Она тогда девочкой была. Ну, конечно, в 37-м году его расстреляли, или в 38-м, мать сослала, а девочка осталась там, потому что была бабушка старая, ей было уже восемнадцать лет, матери этой девушки. Ее оставили с этой старухой, только поселили их в подвал в этом же доме. Ну, потом она как-то сообразила, она просто поступила на фабрику работать.

Д. Б.: На «Каучук»?

Е. Б.: Нет, не на «Каучук», я не знаю, на какую, куда-то на фабрику. В общем, она исчезла из поля зрения этих чекистов. Когда бабушка умерла, она растворилась в рабочем классе (*усмехается*), поэтому уцелела. А потом вот она ехала в этот архив, потому что уже начались какие-то... Это была уже перестройка, начали все это выкапывать, вот ее позвали туда, чтобы она там чего-то рассказывала. Потом ее затаскали в Латвию про папу рассказывать, и кончилось это печально.

Д. В.: А он был из латышских стрелков?

Е. Б.: Да. И кончилось тем, что она умерла просто в поезде.

Д. Б.: Да?

Е. Б.: Да. У нее случился разрыв сердца. Еще не старая женщина была. Вот такой был дом.

Д. В.: Как не старая?

Е. Б.: Ну, это было давно уже. А напротив был пустырь, почти напротив нашего дома. Ну, Дувакины жили туда дальше, ближе к этому...

Д. Б.: Да-да, второй от угла дом, по-моему.

Е. Б.: Да. А это было посередине. Вдруг на пустыре воздвигли два коттеджа двухэтажных, и там поселились какие-то очень важные военные и партийные деятели, несколько семей. А меня мама туда пристроила к ним в детский сад, поэтому я их наблюдала. Ну, там был один полковник, герой Гражданской войны, в общем, какие-то латыши тоже. Ну, как вся детская память, она же сохраняется на всю жизнь — я просто лица помню. Вот этот полковник мне ужасно нравился. Он был высоченный, сутулый, ходил всегда в шинели нараспашку. Ну, я его так видела, во всяком случае. Фамилия Никонов. У них было трое детей. А жена была какая-то неприятная такая.

Д. В.: А Пашке¹⁸ ты говорила? Не имеет отношения?

Е. Б.: Ну нет, это другое, однофамилец. Но он был очень интересный человек, это было видно, что он какой-то... Он еще детей

любил, так по головке погладит, поэтому я его запомнила. Конечно, их всех выгребли просто в 37-м году, буквально никого не осталось, всех. Куда дети их девались, я уже не знаю.

Д. Б.: Наверное, раскидали.

Д. В.: А вот у меня тоже в подвале, под нами, жил такой Витька Экке. Наверное, тожекакой-нибудь из Прибалтики, из латышей, он так немножко похож был, отца его смутно помню, по-моему, тоже отца куда-то...

18 Павел Федорович Никонов.

Кирилла Романовна Фальк-Барановская

Е. Б.: Так вот, ее звали Кирилла Романовна!

Д. В.: Кирилла Романовна, потому что Фальк крестился когда, он взял имя Роман.

Е. Б.: Когда он женился на дочери Станиславского, он крестился. Он был Роман в крещении. А дочка вот эта, Киляля, ее называли Кирилла Романовна.

Д. В.: Кирилла Романовна.

Е. Б.: Да, Кирилла Романовна. Есть такая святая.

Д. Б.: Кирилла?

Е. Б.: Да.

Д. Б.: Здорово. Надо посмотреть, вообще я это совершенно не знаю. Кирилла Романовна.

Е. Б.: Я не читала ее переводы, но все говорили, что она очень хорошо переводит стихи с французского.

Д. В.: Да-да-да.

Е. Б.: Потом она преподавала в Литинституте до самого последнего времени.

Д. В.: До самой смерти.

Д. Б.: А почему она тогда Романовна?

Е. Б.: А потому что он же крещен был Романом.

Д. В.: Потому что Фальк крестился, когда он первый раз женился, его крестили, не могли его крестить как Роберта, его крестили как Романа.

Д. Б.: Подождите, вы говорили, что это дочка Станиславского.

Д. В. и Е. Б.: *(хором)* Не-е-ет!

Е. Б.: Внучка Станиславского. Он был женат на дочери Станиславского.

Д. Б.: А! Все понятно.

Д. В.: Это была вторая уже его жена. А крестили его, когда он на первой женился.

Е. Б.: У него столько было жен, нетрудно...

Д. В.: Да, официальных жен у него было трое, четверо, четыре официальных жены было.

Е. Б.: И все другие еще были *(усмехается)*.

Д. В.: А других много, да, других много.

Е. Б.: Причем странно, он был совершенно не бабник с виду, абсолютно. Он не бабник был, он просто любил женщин.

Д. В.: Нет-нет.

Е. Б.: Совершенно другое, да. Кирилла Романовна. Она преподавала в Литинституте перевод.

Д. В.: Точно.

Д. Б.: А как ее фамилия была?

Е. Б.: А вот фамилию ее я не знаю.

Д. Б.: Потому что по фамилии можно переводы посмотреть, что она переводила.

Е. Б.: Да она много переводила, очень много переводила.

Д. В.: Ну, можно найти фамилию. <...>



Р. Р. Фальк. Портрет дочери Кириллы Фальк. 1946. Частное собрание, Москва

Последняя институтка

Е. Б.: Значит, вы продолжаете дело деда?

Д. Б.: Да, так получилось, что я уже десять лет продолжаю.

Е. Б.: Да? Замечательно!

Д. Б.: Причем начал случайно, попробовал — и втянулся (*усмехается*). Ну, действительно интересно.

Д. В.: Хорошее же дело.

Е. Б.: Конечно. Все-таки каких-нибудь людей еще можно выкопать.

Д. Б.: Конечно, конечно.

Е. Б.: Но вы не только стариков записываете уже сейчас, какие-то есть...

Д. Б.: Да нет, по преимуществу стариков (*усмехается*).

Е. Б.: Все-таки стариков?

Д. Б.: Ну, конечно. Причем самые разные судьбы. Ну, здорово. Действительно, живая история. Причем самый старый мой собеседник была последняя институтка (Институт благородных девиц) 904-го года, прекрасная совершенно, великолепная память. Я с ней беседовал, ей было девяносто семь лет. Кстати, она вдова Борисовского, альтиста.

Е. Б.: Да?! Вот здесь они жили, в Доме композиторов.

Д. Б.: Я помню, что они жили здесь, но недолго здесь жили, нет?

Е. Б.: Я не знаю. По-моему, они тут жили.

Д. В.: Не знаю, не знаю.

Д. Б.: Но они точно здесь жили.

Е. Б.: Я просто встречала их всегда, поскольку они ходили в Консерваторию, преподавали, а я знала квартет, потому что ходила их слушать. Они жили здесь.

Д. В.: Я не помню.

Д. Б.: Так вот, совершенно великолепная у нее память, она рассказывала замечательно. Вот это самый древний был респондент, 904-го.

Е. Б.: Да уж, действительно (*смеется*). А вдова Борисовского была музыкантом тоже, наверное?

Д. Б.: Нет, она совсем не музыкант, но у нее очень интересная семейная история: она Де Лазари по рождению, потом там всякие связи купеческие. Нет, она работала в МХАТе, заведовала музеем МХАТа и так вот, по-моему, больше нигде. Была жена Борисовского — вот это было в нашей беседе основное. Но это редкость, когда такая память, описывала все, то есть любую мелочь, поразительно просто.

Д. В.: Позавидуешь.

Д. Б.: Конечно. Ну что, сегодня, я думаю, надо выключать все?

Д. В.: Ну, ладно.